

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

«УМРУ Я СТОЯ...»

Сегодня исполняется 40 лет со дня гибели поэта-героя Мусы Джалиля и его соратников по антифашистской борьбе

Махмуд ХУСАИН.

СОРАТНИКИ ДЖАЛИЛЯ

Гайнан Курмаш и Мансур Гаяз — молодые татарские поэты. Они до войны работали учителями в Параньгайнской средней школе Марийской АССР. Мансур Гаяз героически погиб на фронте. Гайнан Курмаш — актив-

ный участник подпольной организации в тылу гитлеровцев, которой руководит Муса Джалиль.

Эй, Параньга!
В твоих лесах глубоко
Двух юношей вчетвером следы.
Земляничным ты поила соком,
Ласкала их дыханьем реседы.
Гайнан с Мансуром шли по жизни вместе,
Мечта была крылата и ясна.
Но вдруг завывли ветры черной весты:
— Война!
На фронт вела их ненависти сила,
Они, как львы, вранулись в жаркий бой.
В бою Гаяз пуля подкосила —
Упал джигит на запад головой...
А ты, Курмаш, в окопах не сдавался,
Вандалом брошен в каменный мешок.

Воролся ты,
Под пыткой не сломался,
В душе хранил Победы огонек.
Под топором кровавым и на плахе
Остался верным Родине душой.
Принял ты первым смерть от рук
сатрапа,
В народной памяти воскрес ты как герой!
В тот миг, прервавшая боль и слезы,
Через простор распахнутых равнин
Заговорила русская береза:
— Бессмертен ты, не дрогнувший
мой сын!..

17 августа 1984 г.

Великая Победа, сорокалетие которой готовится отметить советский народ, досталась немалой ценой. Лучшие из лучших отдали свою жизнь за то, чтобы приблизить миг разгрома ненавистного врага. И сегодня, в день казни советских патриотов из

ВОЕННАЯ ТЮРЬМА ШПАНДАУ В БЕРЛИНЕ, 25 АВГУСТА 1944 ГОДА. ШЕСТЬ ЧАСОВ УТРА.

Чуткую утреннюю тишину нарушил стук кованых сапог. Он поднимался снизу по гудким чугунным ступеням, затем по рифленому железу открытых галерей, опоясывающих камеры... Надзиратели, обутые в мягкие войлочные туфли, ходили не так. Так — грубо, нагло, не таясь — могли идти только стражники, сопровождавшие осужденных на казнь.

Заключенные молча прислушивались: пронесет, не пронесет? На этот раз не пронесло. Шаги остановились как раз напротив их камеры. Лязгнули ключи. Медленно, с раздражающим душу скрежетом, раскрылась плохо смазанная дверь...

Их было четверо: детский писатель Абдулла Алиш, журналист Ахмет Симаев, колхозник Абдулла Баттал и итальянский антифашист Реннеро Ланфредини. Все четверо приговорены имперским военным судом к смертной казни. Ланфредини перевели в эту камеру всего десять дней назад. До этого около двух с половиной месяцев (с 5 июня по 15 августа 1944 года) он пролежал в камере № 53 вместе с поэтом Мусой Джалилем и инженером Фуатом Булатовым. Они подружились, привязались друг к другу.

В камеру вошли двое военных, вооруженных и «не очень любезных», как писал позднее в письмах ко мне Р. Ланфредини. Зачитав по списку имена троих татар, они приказали им быстро одеться. Когда те спросили: «Зачем? Куда?», — стражники ответили, что не знают ничего. Но заключенные, как пишет Ланфредини, сразу поняли, что их час настал.

Прикрикнув для порядка «Шнелль Шнелль!» («Быстро! Быстро!»), стражники направились в следующую камеру. А заключенные стали прощаться с Ланфредини и друг с другом. «Мы обнялись, как друзья, которые знают, что больше никогда не увидятся».

В коридоре слышались плаги, возбужденные голоса, покрикивания охранников. Снова распахнулась дверь камеры, и Ланфредини увидел среди группы осужденных Мусу Джалиля тоже заметил Ланфредини и приветствовал его «своим обычным «салом»». Примечательно, что итальянец, ни слова не зная по-русски, на всю жизнь запомнил это татарское приветствие. Проходя мимо Ланфредини, один из его новых друзей (кажется, это был Симаев) порывисто обнял его и сказал: «Ты так боишься умереть. А теперь мы идем умирать...».

Дверь с лязгом захлопнулась. Ланфредини остался в камере один.

ШПАНДАУ. ОКОЛО СЕМИ ЧАСОВ УТРА.

В камеру к Ланфредини зашел надзиратель и забрал оставшиеся от соседней весты, намекая, что они, дескать, им больше не понадобятся. Там были туалетные принадлежности, ложки, миски, курительная трубка (трубку курил Симаев) и несколько листов испанской бумаги. Листки эти сохранились в архиве тюрьмы. На них рукой Ахмета Симаева записано имя его до этого не известного нам стихотворения, одно Абдуллы Батталы и одно — Мусы Джалиля, — также новых, прежде неизвестных. Об этой находке подробно рассказывается в моей публикации в журнале «Дружба народов» № 11 за 1982 год.

Еще одна маленькая подробность. Ланфредини пишет, что один из его новых друзей взял с собой маленькую фотоаппаратуру. Может быть, это был знимок сыновей Алиша? Известно, что Абдулла Алиш не расставался с этой фотоаппаратой.

ТЮРЬМА ПЛЕТЦЕНЗЕЕ. ВОСЕМЬ ЧАСОВ УТРА.

Расстояние между Шпандау и Плетцензее небольшое, каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут на машине. Но для осужденных путь этот занял около двух часов. Во всяком случае, в регистрационных карточках тюрьмы Плетцензее их прибытие отмечено в восемь утра. До нас дошли только две кар-

точки: А. Симаева и Г. Шаббаева. Но по ним можно судить о содержании остальных. Вот что написано на одной из них:

«Тюрьма Плетцензее в Берлине. Имя, фамилия — Ахмед Симаев. Номер карточки — 827/44 (у Г. Шаббаева — 828/44). Дата рождения — 28.12.1915. Место рождения — Краснослободск (Россия). Профессия — журналист и татарский легионер (у Г. Шаббаева — просто «легионер»). Помещен в блок — № 4. Прибыл — 25.8.1944 г. в 8 час. из военной тюрьмы Шпандау. Исполнительный орган и номер дела — РКА — II — 343/43 (у Г. Шаббаева указан тот же номер, из чего следует, что они проходили по одному делу).

Преступление — подрывная деятельность. Приговор — смертная казнь. Печать генерального прокурора г. Берлина. Подпись зав. канцелярией».

Карточка эта примечательна тем, что дает возможность уяснить параграф обвинения — «подрывная деятельность». Судя по другим документам, это расшифровывалось так: «подрывная деятельность по моральному разложению немецких войск». Параграф, по которому фашистская Фемида не знала никаких снисхождений... Зная номер дела и время вынесения приговора (12 февраля 1944 года), можно было бы разыскать и сами судебные дела, хранящиеся в архиве Второго имперского суда в г. Дрездене. К сожалению, эти архивы погибли во время бомбежек.

ТА ЖЕ ТЮРЬМА. ОКОЛО ДВЕНАДЦАТИ ЧАСОВ ДНЯ.

Казнь была назначена на двенадцать часов. Осужденные, конечно, привели себя в порядок. Но практически казнь началась за шесть минут до прихода стражников. Судя по другим документам, это расшифровывалось так: «подрывная деятельность по моральному разложению немецких войск». Параграф, по которому фашистская Фемида не знала никаких снисхождений... Зная номер дела и время вынесения приговора (12 февраля 1944 года), можно было бы разыскать и сами судебные дела, хранящиеся в архиве Второго имперского суда в г. Дрездене. К сожалению, эти архивы погибли во время бомбежек.

На вопрос о том, какие книги он приносил поэту и не сохранились ли они, священник ответил мне письмом от 12.12.67, где уточнил, что приносил в камеру Джалиля около тридцати книг из своей личной библиотеки. Названный их он уже не помнил, запомнил только «Фауста» Гете, которого приносил «по личной просьбе русских» (так он называл татар). К сожалению, эти книги у него не сохранились.

Еще одна любопытная подробность. Во время последней встречи Джалиль рассказал ему «своей последней сон». «Ему приснилось, будто он стоит один на большой сцене, а вокруг него все было черно — и стены, и вещи». Сон лжец и потрескавший своей правдивостью. Да, Джалиль оказался на сцене истории лицом к лицу с фашизмом. Вес вокруг него было черно. И тем большого уважения заслуживает то беспримерное мужество, с каким он встретил свой смертный час... Как показывало его последние стихи, он ни на минуту не потерял веры в торжество разума и справедливости.

Уместно вспомнить и другого свидетеля казни — старшего муллу Волго-татарского легиона Гаю Усманова. Это был невысокий плещущий человек лет пятидесяти с лицом, изрытым оспой, и белой мусульманской бородкой. Он попал в плен еще в первую мировую и так и остался в Германии. Видимо, до этого ему не приходилось участвовать в подобных эзеквюциях, потому что после казни джалильцев мулла заболел нервным расстройством. Человек, которого не заподозрили в соучастии к Советам и коммунизму, он, тем не менее, не раз повторял своим друзьям и знакомым, что джалильцы «умерли, как настоящие коммунисты».

ТЮРЬМА ПЛЕТЦЕНЗЕЕ. ВЕЧЕР.

Казни, которые продолжались весь день, наконец, закончились, и в тюремной канцелярии приступили к оформлению документов на казненных. На карточках джалильцев в графе «Дата и причина выбытия» появилась лаконичная надпись: «Казнен 25.8.44». А в верхнем правом углу каждой карточки — жирный крест, означавший, что осужденного больше не существует.

Затем служащие канцелярии обычно составляли счета, которые представляли родственникам заключенных. В архивах тюрьмы сохранились копии таких счетов. Например, у одного из них:

«Я помню еще поэта Мусу Джалиля. Я посещал его как католический священник, приносил ему для чтения книги Гете и научился ценить его, как спокойного, благородного человека. Его товарищи по заключению — в военной тюрьме Шпандау очень уважали его... Как рассказывал мне Джалиль, он был приговорен к смертной казни за то, что печатал и распространял воззвания, в которых призывал своих земляков не сражаться против русских солдат». (Из письма Р. Юрько немецкому писателю Л. Небенцалу).

Впоследствии с Г. Юрько встретился поэт Шайхи Мансур, приехавший в Западный Берлин. При личной беседе священник так отзывался о поэте: «Умный, привлекательный, воспитанный, высокообразованный и, несмотря на ожидания близкой смерти, державший себя очень спокойно, он оставил у меня чрезвычайно хорошее впечатление».

Не приходится сомневаться, что фашисты — будь на то их воля! — не дрогнув, предьявили бы такой же счет Аминне Джалилю и семьям других советских патриотов. Но им было уже не до этого: Советская Армия наступала по всему фронту, неуклонно приближаясь к границам фашистского рейха...

Упомянутые в счете услуги адвоката были, разумеется, чистой формальностью. Хорошо зная это, джалильцы отказались от адвоката. А когда он, отрабатывая зарплату, все же приходил в тюрьму в сопровождении переводчика и муллы, они отказывались говорить с ним.

ШТАНДЕСАМТ (УЧРЕЖДЕНИЕ ТИПА ЗАГСА) ОКРУГА ШАРЛОТЕНБУРГ. 26 АВГУСТА 1944 г. УТРО.

Помощник надзирателя Пауль Дюррхауэр явился сюда (судя по записям в документах, не в первый раз, так как он был чиновником штандесамта «лично извест» и не должен был предьявлять документов), чтобы провести регистрацию смертей. Документы зафиксировали, что Дюррхауэр «осведомлен из собственного знания» (так главно старомодная формулировка протокола, означающая, что свидетель видел смерть собственными глазами) о казни одиннадцати советских граждан. Затем он принял диктовать служащему загса Глюку фамилию, имена и другие данные о казненных (сверяясь, очевидно, с карточками о казни, заполненными в тюрьме). Эти документы обнаружил в 1968 году немецкий писатель Леон Небенцал.

Процедуру заполнения документов осложнили непьющие для чиновников имена. Глюк провозился с оформлением документов дольше обычного. «Но знает, может быть, дольше, чем те полчасы, которые понадобились палачам, чтобы казнить одиннадцать героев», — пишет по этому поводу Л. Небенцал. В последней графе «причина смерти» у всех написано одно слово: «обезглавлен». Слово, невольно рождающее в памяти бессмертные строки М. Джалиля:

Нет, врешь, палач,
Не встану на колени,
Хоть брось в застенки,
хоть продай в рабы!

лет спустя, многое из тайного стало явным. Кровавое злодеяние фашистов, расправившихся с лучшими сынами нашего народа, предстало во всей отвратительной неприглядности. По документам и свидетельским показаниям мы можем представить этот роковой день во всех подробностях, с точностью до минут.

пример, счет одного обвиняемого в «разложении вооруженных сил» предпологал плату пошлщины с приговора о смертной казни, адвокату, за расходы на содержание под стражей, стоимость приведения приговора в исполнение и др. Всего за различные «услуги» причиталось с обвиняемого более 760 марок.

ТЮРЬМА ШПАНДАУ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ.

В камеру Ланфредини зашел священник Георгий Юрько и рассказал о том, что его друзья-татары казнены и что все они «умерли с улыбкой на устах, мужественно». Известие о гибели друзей привело Ланфредини такое впечатление, что он в тот же день написал прошение о помиловании. Его просьбу поддержало итальянское посольство в Берлине и пастор Г. Юрько. Итальянцу сохранили жизнь.

«Я помню еще поэта Мусу Джалиля. Я посещал его как католический священник, приносил ему для чтения книги Гете и научился ценить его, как спокойного, благородного человека. Его товарищи по заключению — в военной тюрьме Шпандау очень уважали его... Как рассказывал мне Джалиль, он был приговорен к смертной казни за то, что печатал и распространял воззвания, в которых призывал своих земляков не сражаться против русских солдат». (Из письма Р. Юрько немецкому писателю Л. Небенцалу).

Впоследствии с Г. Юрько встретился поэт Шайхи Мансур, приехавший в Западный Берлин. При личной беседе священник так отзывался о поэте: «Умный, привлекательный, воспитанный, высокообразованный и, несмотря на ожидания близкой смерти, державший себя очень спокойно, он оставил у меня чрезвычайно хорошее впечатление».

Не приходится сомневаться, что фашисты — будь на то их воля! — не дрогнув, предьявили бы такой же счет Аминне Джалилю и семьям других советских патриотов. Но им было уже не до этого: Советская Армия наступала по всему фронту, неуклонно приближаясь к границам фашистского рейха...

Упомянутые в счете услуги адвоката были, разумеется, чистой формальностью. Хорошо зная это, джалильцы отказались от адвоката. А когда он, отрабатывая зарплату, все же приходил в тюрьму в сопровождении переводчика и муллы, они отказывались говорить с ним.

Процедуру заполнения документов осложнили непьющие для чиновников имена. Глюк провозился с оформлением документов дольше обычного. «Но знает, может быть, дольше, чем те полчасы, которые понадобились палачам, чтобы казнить одиннадцать героев», — пишет по этому поводу Л. Небенцал. В последней графе «причина смерти» у всех написано одно слово: «обезглавлен». Слово, невольно рождающее в памяти бессмертные строки М. Джалиля:

Нет, врешь, палач,
Не встану на колени,
Хоть брось в застенки,
хоть продай в рабы!

Умру я стоя, не прося
прощенья,
Хоть голову мне топором
рубят!

Р. МУСТАФИН
Писатель.

Фоторепродукция с картины Х. Якупова «Перед приговором».

ЗДЕСЬ ЖИЛ ПОЭТ

Казань, улица Горького, 17. В этом доме с октября 1940 года жил поэт Муса Джалиль, откуда он ушел на фронт. Немногим более года назад здесь открылся мемориальный музей-квартира поэта.

Экспозиция музея создавалась долго и кропотливо. Тщательно подобраны предметы эпохи соседствуют в ней с подлинными вещами Джалиля, его фотографиями, автографами. Неоценимую помощь в создании экспозиции сотрудникам литературного отдела Государственного музея объединенного музея ТАССР оказали родные поэта, его друзья, соседи по дому, в котором жил поэт.

Джалиль — мудрый и лукавый, озорной, любящий — такой разный, живой, словно только что вышел ненадолго из квартиры. Просторная комната, в которой он любил принимать друзей. Здесь бывали А. Кутуй, А. Исхан, Х. Туфан, Г. Нашшаф. Ночи незаметно спорами в спорах о судьбах татарской музыки, литературы. Шахматы на круглом столе — Джалиль был заядлым шахматистом, с присущим ему юмором называл себя «гроссмейстером». Альбом, в котором поэт аккуратно вклеивал дорожные ему фотографии. Оригиналы стихотворения, которое он в сентябре 1941 года прислал жене.

Один экспонат этой комнаты заслуживает особого внимания — ремень Джалиля, висевший на стене. Эту вещь передал в дар музею друг поэта, известный татарский композитор Назиб Жиганов.

Джалиль зашел попрощаться к Жиганову перед уходом на фронт, они бродили по почтовому городу, а на прощание Джалиль предложил обменяться ремнями. Тогда, по народной примете,

в будущем их ждет новая встреча. Но судьба распорядилась по-другому, больше друзья не встретились.

Джалиль был на редкость заботливым отцом. Уголок его дочурки Чулпан, в котором отец и дочь провели много счастливых минут, занимает немалое место в комнате.

Сорочка болезнями готов я Сам переболеть, перестрадать, Только бы сбереечь ее здоровье. За нее мне жизнь не жалю отдать, — писал поэт.

Уют, тепло дружной семьи, в которой рады гостям, где ценят шутку и готовы принять участие в серьезном разговоре, — вот атмосфера гостиной в доме Джалиля.

Посетителю литературного музея особенно интересно бывает оказаться в той комнате, где творил поэт, заглянуть в его творческую лабораторию... Рабочий кабинет Джалиля оставлен с предельной простотой. Здесь находится подлинный стол поэта, за которым были написаны строфы поэмы «Письмо-носок» и либретто оперы «Алтынчеч». В книжном шкафу тесно от книг, которые собрал Джалилем. У поэта был необычайно широкий кругозор, тома Маркса, Энгельса и Ленина соседствуют с книгами классиков русской и татарской литературы, поэтические сборники — с книгами по истории музыки, искусству.

Еще одна вещь, которая не может не остановить взгляд, — мандолина, на ней играл поэт. Под ее звуки он тихо и напевно арин из своей будущей оперы «Алтынчеч». А летом неутомимый Джалиль вместе с андемиком Асафьевым ходил по деревням и селам Татарии, собирал песенный фольклор, и здесь мандолина была необходима поэту: записав текст понравившейся новой песни, сразу же можно было заучить ее мелодию.

Большое место в экспозиции музея-квартиры занимают книги о Мусе Джалиле, издания его стихов, которые сейчас переведены на многие языки мира. Есть здесь и уникальные издания — сборники поэта «Идем» и «Орденосные миллионы», которые были изданы в двадцатые годы. На них сохранились автографы Джалиля, которые были изданы в двадцатые годы. На них сохранились автографы Джалиля, которые были изданы в двадцатые годы.

Приходит в тихие комнаты музея посетители, приходят для того, чтобы лучше узнать поэта, жизнь которого «песней звенела в народе». Случается быть в гордом одиночестве Джалиля. Они непременно зайдут в его дом, чтобы почтить память фронтového друга.

«Сердечная признательность и благодарность создателям музея от ветеранов Второй ударной армии — соратников Мусы Джалиля в Любанской операции 1942 года», — записал в книге ответов Т. Кузнецов, бывший ответственный секретарь редакции газеты «Отвага».

Настоящие, большие поэты обладают необыкновенным даром с каждым годом их судьбы и стихи как бы приближаются к нам. Так происходит и с Джалилем. Клубком волшебным, как в старинной сказке, Разматывал я песни по пути... Ступайте следом — меня в последней Из этих песен сможете найти.

Т. МАМАЕВА.

Муса ДЖАЛИЛЬ

НЕ ВЕРЬ!
Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал,
устал он».

Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят
в меня.

Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправде ли я устал и отстаю?

Так вправде ли я устал и не встает?
Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменил он! Родину
предал».

Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.
Я взял автомат и пошел воевать.

В бой за тебя и за Родину-мать,
Тебе изменить? И Отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?
Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он. Муса уже
мертвый».

Не верь, дорогая! Слово такое
Перевод В. Ганешева.

Не скажут друзья, если любят тебя,
Холодное тело засыплет земля, —
Песню огневую засыплет нельзя!
Умри, побеждая, и кто мертвецом
Тебя назовет, если был ты борцом?
20 ноября 1945.

Перевод И. Френкеля.